

A man with a white beard and a young girl are sitting at a wooden table in a train station. The man is holding a letter, and the girl is resting her chin on her hand. On the table are several other letters, a small bouquet of white flowers, and a pocket watch. In the background, a train is visible on the tracks, and the sun is setting over a city skyline. The scene is bathed in the warm, golden light of the sunset.

Люди, которых мы не успели обнять

Ани Еганян

Ани Еганян

**Люди, которых мы
не успели обнять**

«Автор»

2026

Еганян А.

Люди, которых мы не успели обнять / А. Еганян — «Автор»,
2026

После смерти сына знаменитый кардиохирург Томас Уитмор получает странное наследство — список из 27 незнакомцев, которых нужно найти. Вместе с девочкой Мэйзи он отправляется в путешествие, где каждая встреча открывает новую сторону жизни человека, которого Томас, как ему казалось, хорошо знал. Эта история — о боли утраты, несказанных словах, прощении и людях, которых мы слишком поздно понимаем по-настоящему.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Ани Еганян

Люди, которых мы не успели обнять

АНИ ЕГАНЯН

ЛЮДИ, КОТОРЫХ

МЫ НЕ УСПЕЛИ

ОБНЯТЬ

Роман

Иногда человек исчезает из нашей жизни.

Но это ещё не значит, что его жизнь закончилась в нас.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА К ЖИВЫМ

Глава 1. Шесть семнадцать

Глава 2. Мэйзи не любит изюм

Глава 3. Человек, который пропустил автобус

Глава 4. Дом, в который ходила Элеонора

Глава 5. Цветы, которые никто не заказывал

Глава 6. Где заканчивается список

Глава 7. Грета запоминает голоса

Глава 8. Человек за стеклом

Глава 9. Один неудачный день

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕ, КТО ОСТАЛСЯ

Глава 10. Пятая дверь

Глава 11. Человек, которому Дэниел не помог

Глава 12. Ирис и пустое место

Глава 13. Разговор, который никто не записал

Глава 14. Счёт из больницы

Глава 15. Девятый человек и чужие ключи

Глава 16. Женщина, не написавшая благодарности

Глава 17. Человек, который не умел просить

Глава 18. Письма, которым не хватило адресата

Глава 19. Сколько стоит открытая дверь

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Глава 20. Четыре имени на одной скамейке

Глава 21. Женщина, которая строила мосты

Глава 22. Ночь перед заседанием

Глава 23. Двадцать первый человек

Глава 24. День, когда всё пошло не так

Глава 25. После красивых речей

Глава 26. То, что нельзя оставить в наследство

Глава 27. Человек из последнего вагона

Глава 28. Двадцать шестая

Глава 29. Имя под бумажной полоской

Глава 30. Простая работа живых

Эпилог. Шесть семнадцать

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА К ЖИВЫМ

Глава 1. Шесть семнадцать

В шесть семнадцать утра Томас Уитмор обнаружил, что часы на кухонной стене остановились.

Он заметил это не сразу. Сначала привычно поставил чайник, достал из шкафа две чашки и только потом, взглянув на вторую, замер. Белая, с тонкой синей трещиной возле ручки, она принадлежала Элеоноре. Четыре года он не мог приучить себя ставить на стол одну чашку. Иногда отучался на неделю, иногда на месяц, а потом рука сама тянулась к знакомому фарфору.

Томас медленно вернул чашку на полку. Пальцы были крепкими, без дрожи. Ему исполнилось семьдесят четыре, но по утрам он по-прежнему проверял их, словно перед операцией. Левую руку поднимал к свету, правой касался подушечки указательного пальца. Восемь месяцев назад на последней консультации он сказал ординатору: «Хирургу необходимо знать минуту, когда умение перестаёт быть достаточным». Молодой врач решил, что это метафора, и записал её в блокнот. Томас имел в виду буквальный смысл.

За окном шёл дождь. Дом стоял на углу Уиллоу-стрит и маленького тупика, который местные по недоразумению называли Парковой аллеей: там росло всего два клёна, оба больших. Дождь стучал по их облетевшим веткам. На дорожке появилась фигура почтальона в тёмно-зелёной куртке.

В такое время письма не приносили.

Почтальон не позвонил. Просунул в щель ящика плотный коричневый конверт и ушёл, не подняв лица.

На конверте было написано: «Доктору Томасу Уитмору. Лично».

Почерк был детский: большие неровные буквы с непослушными хвостиками. Томас перевернул конверт. Обратного адреса не оказалось.

Внутри лежали два листа бумаги и пожелтевшая фотография. На снимке его сын Дэниел стоял у входа в какую-то мастерскую, одетый в серый свитер, который Томас никогда не видел. Рядом — девочка лет одиннадцати с тёмными волосами. Она корчила рожицу, а Дэниел смеялся так широко, что у него появлялась ямочка на левой щеке.

Томас не видел этой улыбки семнадцать лет.

Его сын умер в феврале. В газетах появилась короткая заметка: сотрудник благотворительной организации погиб в результате дорожного происшествия у моста Святой Анны. Томас перечитал её дважды, затем сложил газету и убрал в нижний ящик письменного стола. На похороны он не поехал. У него были причины, которые ночью казались неубедительными, а к утру вновь становились вполне вескими.

Теперь из фотографии на него смотрел живой Дэниел. Между его рукой и плечом девочки было пространство размером с ладонь — расстояние, которое он мог бы сократить одним движением, но не сокращал. Девочка сама прижималась к нему.

Томас развернул первый лист.

«Здравствуйте, доктор Уитмор. Меня зовут Мэйзи. Я дочь Дэниела Уитмора. Значит, наверное, вы мой дедушка. Я не знаю, можно ли так говорить, если люди никогда не встречались. Если нельзя, я не буду.

Папа умер восемь месяцев назад. Мне двенадцать. Это не опечатка. Я пишу вам потому, что папа оставил двадцать семь имён. Он сказал, что если с ним что-нибудь случится, мне понадобится взрослый, который не испугается вопросов.

Я спрашивала тётю Нору, но она говорит, что некоторые ответы детям знать не нужно. А я думаю, взрослые так говорят, когда сами боятся.

Папа рассказывал, что вы спасли очень много людей. Я нашла про вас статью. Там написано, что у вас золотые руки. Если у вас есть время, помогите мне узнать, зачем папа записал эти имена.

Я не прошу вас любить меня. Только, пожалуйста, не говорите, что очень заняты.

Мэйзи».

Ниже карандашом был добавлен адрес булочной на Милл-роуд и дата: «Суббота, 11 часов. Если вы придёте».

Второй лист представлял собой перечень людей. Томас пробежал глазами по строчкам. Саймон Харпер. Эвелин Вон. Грета Льюис. Джозеф Миллер. Дальше — неизвестные фамилии, названия городов, иногда номера телефонов, иногда только приметы: «железная дверь», «дом за мостом», «ищет синий шарф». В правом нижнем углу стояла цифра двадцать семь, но последняя строчка была закрыта узкой бумажной полоской, аккуратно приклеенной сверху.

Томас подцепил её ногтем. Клей держал крепко. Он уже хотел оторвать полоску, но на обороте заметил слова, выведенные знакомым ему ровным почерком:

«Папа, не начинай с конца. Ты всегда так делал».

Стало тихо. Даже дождь, казалось, отдалился.

Томас сел на край стула и долго смотрел на фотографию. Он думал, что самое ужасное в смерти сына — отсутствие возможности услышать его голос. Ошибался. Ужаснее было обнаружить, что голос оставался всё это время, только он сам отказывался слушать.

На настенных часах по-прежнему было шесть семнадцать. Томас снял их, открыл заднюю крышку и заменил батарейку. Стрелки двинулись. Ему пришлось выставлять время по телефону, и почему-то эта простая операция далась тяжелее, чем все остальные движения утра.

Суббота наступала завтра.

Глава 2. Мэйзи не любит изюм

Булочная «У миссис Брукс» оказалась маленькой, с запотевшими окнами и громким медным колокольчиком над дверью. Томас пришёл в десять сорок семь, чтобы успеть уйти до одиннадцати, если передумает.

Он заказал чёрный кофе и сел лицом ко входу. В кармане пальто лежал конверт. Ночью он достал его не меньше десяти раз, но больше ничего в письме не менялось. Имя Дэниела оставалось настоящим. Слово «дедушка» — тоже.

В одиннадцать две появилась женщина лет сорока, худощавая, с усталым лицом и мокрыми волосами, собранными в пучок. Она держала девочку за руку. Та резко остановилась на пороге и посмотрела на посетителей, словно ожидала увидеть среди них опасного преступника.

— Он вон там, — сказала женщина.

Девочка отняла руку. На ней было жёлтое пальто на размер больше, тёмные джинсы и кеды со шнурками разных цветов. Томас невольно отметил, что у Дэниела в детстве тоже никогда не совпадали шнурки: сын считал, что ботинки от этого веселее.

— Вы доктор? — спросила она, подойдя.

— Да.

— Не похожи.

— На кого?

— На людей, которые спасают жизни.

Томас хотел спросить, какими же они должны быть, но девочка уже села напротив и сняла шапку. У неё были серые глаза Элеоноры. Непостижимо, почти жестоко серые, с тёмным ободком вокруг радужки.

Женщина представилась Норой Прайс, сестрой покойной матери Мэйзи. Она не стала садиться сразу.

— У нас полтора часа, доктор Уитмор. Я не знаю, что она вам написала, но прошу вас: никаких обещаний. Ей и так досталось.

— Тётя Нора думает, что взрослые могут обещать только если уверены на сто процентов, — сказала Мэйзи. — Поэтому она мне даже мороженое никогда не обещает.

— Потому что ты просишь его перед ужином.

— Это неважная подробность.

Нора наконец присела. Томас впервые за долгое время почувствовал себя человеком, которого пригласили на чужую семейную ссору — маленькую, привычную, совершенно живую.

Мэйзи раскрыла меню. Долго водила пальцем по фотографиям пирогов.

— Здесь есть булочки с корицей, — заметила она. — Папа любил с изюмом. Я изюм терпеть не могу. Когда он покупал, всегда выковыривал мне его вилкой, а потом говорил, что в булочке получилось двадцать маленьких тоннелей.

Нора отвернулась к окну. Томас увидел, как напряглась её челюсть.

— Ты могла бы сказать, зачем написала мне? — спросил он осторожно.

— Я написала.

— Зачем тебе двадцать семь человек?

Девочка положила меню на стол.

— Потому что перед смертью папа перестал отвечать на один вопрос.

— Какой?

— Почему хорошие люди умирают, когда плохие остаются? — Она спросила это деловито, без жалобы, словно речь шла о правиле арифметики. — Раньше он говорил, что не знает. А потом сказал: «Мэйз, если мы однажды разберёмся, сколько людей помещается в одной жизни, ты сама ответишь».

Томас ничего не сказал. Таких вопросов не было в медицинских учебниках. В операционной он мог дать сотню ответов о причине смерти: кровопотеря, аритмия, недостаточность клапана. За дверями больницы эти слова не значили почти ничего.

— Это все знакомые папы? — спросил он, доставая лист.

— Не все. Я звонила двум. Один сказал, что совсем его не знает, но услышал имя — и заплакал. Другой попросил больше не звонить.

— Ты звонила незнакомым взрослым? — резко произнесла Нора.

— С домашнего телефона. Ты была рядом, только разговаривала со своим банком.

— Мэйзи!

— Это правда.

Томас едва заметно улыбнулся. Нора посмотрела на него с упрёком.

— Где сейчас вещи Дэниела? — спросил он.

— Часть у нас, часть в центре, где он работал, — ответила Нора. — Остальное забрали после аварии. Нам сказали, что личных записей там не было.

— Были, — сказала Мэйзи. — У папы всегда был синий блокнот. Он рисовал в нём маленькие двери возле имён.

Томас поднял глаза.

— Двери?

— Да. Иногда открытые, иногда закрытые. Я думала, он пишет сказку. Он обещал, что потом расскажет, кто живёт за каждой дверью.

Официантка принесла кофе, чай и три булочки. Мэйзи разломила свою пополам, тщательно выбрала три тёмные изюмины и сложила на блюде. Потом внезапно пододвинула блюдо к Томасу.

— Папа бы их съел. Если хотите, можете вы.

Он посмотрел на изюм. Это был самый странный дар из всех, какие он получал за свою долгую жизнь. Пациенты приносили ему часы, дорогие бутылки, письма с молитвами и однажды — деревянного аиста размером с ребёнка. Никто никогда не предлагал ему то, что осталось от нежеланного кусочка булочки.

— Спасибо, — сказал Томас и съел одну.

Лицо Мэйзи немного смягчилось.

Когда они выходили, Нора задержала его у двери.

— Дэниел рассказывал о вас, — тихо произнесла она. — Не так, как вы, вероятно, думаете. Он не позволял Мэйзи говорить о вас плохо. Но ещё он никогда не говорил ей, что вы однажды появитесь.

— Возможно, он был прав.

— Возможно. — Нора посмотрела на девочку, прыгавшую через дождевые ручейки. — Только она уже потеряла одного отца. Пожалуйста, не становитесь для неё ещё одним человеком, который вдруг исчезнет.

Томас достал список.

— Первый адрес находится в часе езды. Вы разрешите мне отвезти её туда?

Нора долго молчала. Потом ответила:

— В воскресенье. На моей машине. Я поеду с вами.

Мэйзи, не слышавшая разговор, обернулась и подняла обе руки, показывая, что перепрыгнула особенно широкую лужу.

Томас поймал себя на мысли, что хотел бы рассказать об этом Элеоноре. И впервые подумал не о том, что её нет, а о том, как бы она рассмеялась.

Глава 3. Человек, который пропустил автобус

Саймон Харпер жил на окраине Хейвена в маленьком доме с белой верандой. Возле ворот стоял жёлтый автобус — старый, с облупившейся краской и надписью «ШКОЛЬНЫЙ», зачёркнутой чёрной полосой. Под стеклом лежала табличка: «Поездки к врачу. Бесплатно».

В воскресенье утром небо наконец очистилось. Нора вела машину, Мэйзи считала красные автомобили и каждые десять минут спрашивала, далеко ли ещё. Томас сидел рядом с водителем и не знал, куда девать руки. Ему привычнее было управлять, чем быть пассажиром.

— Двадцать один, — объявила Мэйзи с заднего сиденья. — Если будет двадцать семь, это знак.

— Знак чего? — спросил Томас.

— Не знаю. Разве знаки обязаны заранее объясняться?

Нора усмехнулась. Томас посмотрел на дорогу.

Возле автобуса возился высокий мужчина в синих рабочих брюках. Седая борода торчала из-под подбородка пучками; на шее висел маленький серебряный свисток. Увидев гостей, он не удивился.

— Вы от Дэна? — спросил он.

— От его дочери, — ответила Нора.

Мужчина снял бейсболку. Посмотрел на Мэйзи, затем на Томаса.

— А вы, должно быть, тот самый отец.

Прозвучало это не как упрёк. Скорее как факт, давно ожидавший подтверждения.

На веранде пахло свежими опилками. Саймон налил чай из термоса в четыре разномастные кружки. На столе лежала стопка больничных талонов и толстая тетрадь с фамилиями.

— Мне сказали, что вы перевозите больных, — начал Томас.

— Тех, кто не может сам добраться. В основном пожилых. Иногда родителей с детьми. Автобус, конечно, больше, чем надо, но зато всем есть где сидеть. — Саймон помолчал. — Дэниел называл его «самым медленным спасением в округе».

— Как вы познакомились?

Саймон некоторое время вертел кружку.

— Это длинный рассказ.

— У нас много времени, — неожиданно сказала Мэйзи.

Саймон посмотрел на неё с нежностью, слишком ясной для незнакомца.

— Понимаешь, девочка, раньше я водил настоящий школьный автобус. Тридцать четыре года. Знал каждого ребёнка: кто боится темноты, кого тошнит на поворотах, кто притворяется больным перед контрольной. Потом дети выросли, моя жена умерла, а директор сказал, что пора уступить дорогу молодым. Все говорили «заслуженный отдых». Никто не спрашивал, заслужил ли я отдых от самого себя.

Он поднялся и ушёл в дом. Вернулся с жестяной коробкой из-под печенья. Внутри лежали фотографии, билетки, обломанный карандаш и маленький красный пластиковый автобус.

— В тот день я сидел на остановке. Обычной остановке, на которой не собирался никуда ехать. Дэниел сел рядом. Он нёс два бумажных стакана с чаем и сказал: «Один взял лишний. Не можете избавиться?» Я ответил, что не пью чай с незнакомцами. А он сказал: «Отлично. Тогда сначала познакомимся».

Саймон усмехнулся, но глаза остались мокрыми.

— Четыре часа мы разговаривали. Я рассказал ему всё, что не говорил ни сыну, ни врачу. Он ни разу не сказал «вам надо держаться». Просто сидел. Когда я собрался уходить, он спросил, что бы я сделал, если бы завтра мне опять дали руль. Я сказал: «Поехал бы к тем, кто ждёт». На следующий день у моего дома стоял этот старый автобус. Дэниел нашёл его у фермера. Я сначала разозлился: машина же почти не работала. А потом мы два месяца чинили её вместе.

— И вы стали возить людей? — спросила Мэйзи.

— Сначала одну женщину на химиотерапию. Потом её соседку. Теперь у меня девять постоянных пассажиров и ещё кто позвонит. Не представляешь, какие у людей бывают разговоры в дороге. Одни рассказывают про молодость, другие всё время молчат. Но главное — я знаю, зачем встаю утром.

Томас посмотрел на старый автобус за окном. В больнице выздоровление отмечали лабораторными показателями, снимками, цифрами на мониторах. У Саймона мерой выздоровления оказалась необходимость встать с постели ради кого-то другого.

— Вы сказали, что Дэниел нашёл автобус, — произнёс он. — Откуда у него были деньги?

— Денег почти не было. Он убедил пятерых человек принести то, что могли. Один дал аккумулятор. Другой покрасил кузов. Третий привёл в порядок тормоза. Дэн сам нашёл двигатель. — Саймон вдруг посмотрел на него внимательно. — Вы ведь не знаете, кем стал ваш сын? Томас не ответил.

Саймон не стал настаивать. Он вынул из тетради фотографию. На ней Дэниел и несколько пациентов стояли возле автобуса, а впереди сидела женщина в инвалидной коляске. За их спинами виднелся стеклянный вход здания с вывеской «ДОМ НА ХИЛЛ-СТРИТ».

— Что это за место? — спросил Томас.

— Там Дэн работал по вечерам. Не за зарплату. Он говорил: когда у тебя нет сил изменить целый мир, нужно хотя бы перестать проходить мимо одной двери.

Мэйзи приблизилась к фотографии.

— Это папина любимая рубашка. Он надевал её на праздники.

— Хилл-стрит закрывают, — сказал Саймон. — В конце месяца. Многие не знают, куда пойдут. Мы пытались собрать деньги, но дело не только в них.

— А в чём?

Саймон ответил не сразу.

— В том, что люди с хорошими намерениями часто бывают слишком поздно. Как вы думаете, доктор, можно опоздать на семнадцать лет и всё же успеть?

Томас посмотрел на Мэйзи. Девочка разглядывала коробку с маленьким автобусом и не слышала вопроса.

— Не знаю, — сказал он.

Саймон кивнул, будто получил единственный честный ответ.

Когда гости собрались уходить, он окликнул Томаса и вложил ему в ладонь старый латунный жетон с цифрой «2».

— Дэниел просил отдать. Сказал, вы поймёте после второго адреса.

— А вы понимаете?

— Нет. — Саймон пожал плечами. — Но он был человеком, который редко путал надежду с обещанием.

Уже в машине Мэйзи пересчитала красные автомобили. Их оказалось двадцать шесть. Она вздохнула и сказала, что знак не получился.

Томас не стал ей говорить, что перед воротами Саймона стояла ещё одна красная машина, прикрытая брезентом. Ему вдруг стало важно, чтобы девочка однажды заметила её сама.

Глава 4. Дом, в который ходила Элеонора

Вечером Томас разложил на письменном столе всё, что привёз: фотографию, латунный жетон, визитку «Дома на Хилл-стрит» и сложенный вчетверо лист с адресами. Он снял очки и протёр стёкла рукавом, хотя они были чистыми.

Под фотографией кто-то написал дату: 18 мая 2019 года.

Томас вдруг увидел женщину в дальнем правом углу снимка. Сначала ему показалось, что это случайное сходство. Лицо было наполовину закрыто волосами, фигуру заслонял мужчина с букетом сирени. Но он узнал светлое пальто и брошь в виде маленькой серебряной ласточки.

Элеонора.

В мае две тысячи девятнадцатого она была ещё жива. Они с Томасом отмечали сороковую годовщину свадьбы и ездили к морю. По вечерам Элеонора ходила куда-то «к женщинам из библиотеки»; он не спрашивал куда, считая, что уважает её независимость.

Выходит, она встречалась с Дэниелом.

Он взял телефон и нашёл номер Норы Прайс. Смотрел на экран так долго, что тот погас. Потом позвонил.

— Добрый вечер. Простите за поздний звонок. Вы знали мою жену?

После паузы Нора сказала:

— Да.

— Как долго?

— Не знаю, имею ли я право отвечать.

— Она умерла четыре года назад. Полагаю, поздно спрашивать её разрешения.

— В первый раз Элеонора пришла к нам с коробкой детских книг. Мэйзи тогда было четыре. Она сказала, что просто хочет помочь с чтением. Через неделю стала приходить по четвергам. Потом чаще.

Томас опустил на стул.

— Она знала, что у неё есть внучка?

— Знала.

— И не сказала мне.

— Доктор Уитмор...

— Почему?

— Потому что Дэниел просил дать вам время. А она отвечала, что время — единственное, чего у людей всегда меньше, чем они думают.

Он закрыл глаза. Элеонора действительно так говорила. В последний год, когда болезнь постепенно отнимала у неё речь, она ещё умела смеяться над тем, что календарь становится для семьи главным врагом.

— Он приходил к ней, когда она лежала в больнице?

Нора молчала.

Томас вспомнил последние две недели Элеоноры: окно палаты, белые цветы, мерное дыхание кислородного аппарата. Он приходил после обходов, держал её за руку и рассказывал о делах, словно у неё впереди было сколько угодно времени. Иногда на тумбочке стояли свежие нарциссы. Он думал, это забота санитарок.

— Приходил, — наконец сказала Нора. — Вместе с Мэйзи. В те часы, когда вас не было.

Томас положил трубку. В этом молчании не было никакого заговора против него. Было лишь свидетельство жизни, которая продолжалась за пределами его собственного знания.

Он прошёл в спальню и открыл старый комод. Элеонора оставляла письма в самом нелепом месте — между наволочками. Говорила, что там никто не ищет правду. Томас никогда прежде не разбирал нижний ящик: считал это вторжением в её мир.

Под стопкой льняных простыней лежал кремовый конверт. На нём её быстрым почерком было написано: «Томасу, когда он перестанет считать годы».

Он сел прямо на пол. Бумага пахла сухой лавандой.

«Любимый мой,

если ты нашёл это письмо, значит, я не ошиблась насчёт тебя окончательно. Ты упрям. Иногда так упрям, что в твоём молчании невозможно жить. Но я знаю: за ним прячется не холод, а страх произнести слова, после которых всё изменится.

Наш мальчик вырос. Да, я знаю, что тебе кажется, будто в тот вечер он перестал быть нашим. Но это ты захлопнул дверь. Дэниел много лет возвращался к ней с другой стороны, а ты не открывал.

Я не прошу тебя прощать его. И не прошу, чтобы он простил тебя. Я прошу только однажды увидеть его таким, какой он есть, а не таким, каким ты мечтал его сделать.

Есть люди, которых мы спасаем руками. Есть те, кого спасаем терпением. И есть люди, которым просто нужно, чтобы мы однажды сказали: я всё ещё здесь.

Если сможешь, скажи это мальчику. Он уже давно взрослый, но именно этих слов всё ещё ждёт.

Твоя Элли».

Внизу было дописано: «И познакомься с Мэйзи. Она умеет исправлять испорченные дни».

Томас не плакал на похоронах жены. Он оставался неподвижен и вежлив, отвечал на слова сочувствия, даже поблагодарил органиста за музыку. Теперь, в пустой спальне, среди простыней, он впервые заплакал. Не громко. Без рыданий. Просто слёзы вдруг потекли по лицу, и ему пришлось долго сидеть с письмом в руках, ожидая, пока сможет снова прочитать последнюю строку.

Потом он нашёл на телефоне фотографию из булочной. Мэйзи, с изюмом на блюде, серьёзно смотрела в камеру. Томас набрал Норе короткое сообщение: «Если не возражаете, я хотел бы поехать ко второму человеку из списка. И я куплю булочки без изюма».

Ответ пришёл быстро: «Она будет рада. Я тоже».

У Томаса за окном загорелись фонари. Он посмотрел на часы. Время шло, и впервые за много лет ему захотелось не остановить его, а использовать.

Глава 5. Цветы, которые никто не заказывал

В понедельник Томас впервые за восемь месяцев не открыл с утра новостную ленту. Раньше он просматривал сообщения о дорожных происшествиях с таким усердием, словно журналисты могли однажды обнаружить новую причину смерти его сына и таким образом отменить прежнюю. Теперь на столе лежала записка Норы: «Эвелин Вон. Цветочная лавка на набережной. После трёх. Сначала позвонить».

В три пятнадцать они вошли в магазин, где среди гвоздик и сухих эвкалиптов стояли банки с надписями от руки: «Для первой встречи», «Для примирения», «Просто так». Последняя банка была пуста.

— Если вам на похороны, — сказала женщина из-за стойки, — белые лилии я больше не продаю. Они слишком уверены, будто знают, что должны чувствовать остальные.

Эвелин Вон оказалась невысокой, с серебристыми волосами и тёмным пятном от чернил на запястье. На левой руке у неё не хватало двух пальцев. Мэйзи смотрела на руку с плохо скрываемым любопытством, пока Эвелин сама не подняла её.

— У станка в двадцать три года. С тех пор я не играю на фортепиано. Зато научилась завязывать ленты зубами. Хочешь увидеть?

Мэйзи хотела. Через минуту они смеялись, пытаясь перевязать букет без помощи левой руки, а Томас стоял возле холодильника с розами и чувствовал непривычную ревность: его внучка гораздо свободнее разговаривала с незнакомыми, чем с ним.

— Дэниел приходил к вам? — спросил он, когда Нора увела Мэйзи выбирать бумагу.

— Каждую среду почти три года. Забирал букеты, которые никто не купил. Вез их людям, которым давно не приносили цветов. Началось с того, что однажды он вошёл и спросил: «Кому сегодня нужнее всего получить что-нибудь красивое?» А я решила, что он ненормальный.

— И всё же помогли.

— Не сразу. Я послала его прочь. Потом через неделю у меня умер муж. Все сказали правильные слова, а один человек принёс букет незабудок и записку без подписи: «У вас есть право сегодня ничего не делать». Это был он. Я узнала почерк, когда он вернулся.

Эвелин поправила рукав блузки.

— Я тогда закрыла лавку на девять дней. Боялась, что больше не смогу стоять за стойкой, где мы работали вместе тридцать лет. Дэниел приходил каждый день и поливал растения. Не пытался меня развеселить. На десятый день я вышла и увидела, что на двери объявление: «Хозяйка вернётся, когда будет готова. Цветы пока подождут». И люди ждали. Представляете? Никто не считал девять дней катастрофой, кроме меня.

Томас представил сына, закрывающего чужую лавку, и почувствовал раздражение на незнакомую женщину. Это чувство было несправедливым, но честным: Дэниел нашёл время для её горя, тогда как собственному отцу даже не позвонил.

— Вы не думали, что он должен был заняться своей семьёй? — вырвалось у него.

Эвелин внимательно посмотрела на него.

— Он занимался. Просто его семья была больше, чем вы думали. Но если вас интересует, почему он не вернулся к вам, я не знаю. Он никогда не перекладывал эту историю на чужие плечи.

Она достала из кассы маленький конверт. Внутри оказалась тонкая бумажная полоска с числом «3» и рисунком двери.

— Он просил передать следующему человеку, если однажды его дочь придёт ко мне с пожилым мужчиной, который выглядит так, будто всю жизнь разговаривал приказами. Я ответила, что это невежливо. Дэниел сказал: «Тогда напишите: пожилой мужчина, который ещё способен научиться просить».

— Вы почему не сказали этого при девочке?

— Потому что она пришла узнать отца, а не наблюдать, как незнакомая женщина судит деда.

Мэйзи вернулась с букетом сиреневых астр. Она попросила Эвелин написать на карточке одно слово: «Бабушке». Томас отнёс цветы к могиле Элеоноры вечером. Мэйзи хотела ехать с ним, но Нора сказала, что у неё уроки и нельзя превращать поездку по адресам в оправдание для пропущенной математики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.